

Анализ экономической модели республики Беларусь: контекст государств Прибалтики*

Шамахов В.А.^{1, *}, Межевич Н.М.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *shamahov-va@sziu.ranepa.ru

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Необходимость развития интеграции в рамках союзного государства России и Беларуси практически никем не оспаривается. Однако на практике эта интеграция идет достаточно медленно. С нашей точки зрения, одной из причин данного положения является невнимание к тому обстоятельству, что за 27 лет постсоветского развития в Белоруссии, как и на всем постсоветском пространстве (в том числе Прибалтике) сложились разные экономические модели. Подчеркнем: и в том, и в другом случае относящиеся к рыночной экономике, но демонстрирующие значимые отличия в механизмах управления, структуре собственности, социальной политике.

Страновые экономические модели — не новый предмет исследования. Тем не менее, применительно к Беларуси таких работ не так много. В данной статье авторы попытались не только указать существенные моменты белорусской экономической модели, но сравнить ее с экономическими практиками государств Прибалтики, прежде всего Литвы и Латвии.

Ключевые слова: экономическая модель, Беларусь, государства Прибалтики, государственный сектор, страновые особенности, социальная политика, постсоветское пространство

Analysis of Economic Model of Republic of Belarus: Context of the Baltic States

Vladimir A. Shamakhov ^{a, *}, Nikolay M. Mezhevich^b

^aRussian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; Shamahov-VA@sziu.ranepa.ru

^bSt. Petersburg State University, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of integration within the Union State of Russia and Belarus is practically challenged by nobody. However, in practice this integration goes rather slowly. From our point of view, one of the reasons of this situation is inattention to the circumstance that in 27 years of Post-Soviet development in Belarus, as well as in all former Soviet Union (including the Baltics) emerged different economic models. Let's emphasize, all of them are related to market economy, but have a number of differences in mechanisms of management, structure of property, social policy.

Country economic models are not a new object of research. Nevertheless, in relation to Belarus there are just a few such works. Authors tried not only to specify the essential moments of the Belarusian economic model in this article, but compare it to economic practices of the states of the Baltics, first of all Lithuania, Latvia.

* Работа подготовлена в рамках Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Академией управления при Президенте Республики Беларусь; Договора о сотрудничестве между Северо-Западным институтом управления РАНХиГС и Институтом экономики Национальной академии наук Беларуси и в рамках проекта Фонда президентских грантов, выигранного Ассоциацией прибалтийских исследований: «Отношения Союзного государства России и Белоруссии со странами Прибалтийского региона: форсайт-2030».

Keywords: economic model, Belarus, states of the Baltics, public sector, country features, social policy, former Soviet Union

Рассматривая вопрос об экономических моделях с привязкой к конкретным странам или регионам, следует помнить о том, что любая экономическая модель — это сугубо упрощенное изображение ключевых экономических процессов. Попытка сравнения национальных экономических моделей, как правило, показывает, что двух одинаковых подходов к макроэкономическому регулированию нет [9, с. 60]. Однако выявление экономических моделей позволяет выявить ключевые особенности функционирования национального хозяйства и на этой основе сделать верифицируемый прогноз не только в экономике, но в конечном счете и в политике. Следует попытаться дать объективную оценку места экономических систем различного типа. Это связано с тем, что достаточно часто объективное исследование национальных экономических моделей меняется на политические и идеологические оценки. При этом забывается то, что системы хозяйствования рациональны до тех пор, пока успешно решается главная задача экономики — максимизации удовлетворения потребностей общества имеющимися ограниченными ресурсами. В конечном счете не так важно, каким способом получены данные результаты.

Либеральные и нелиберальные модели сами по себе не являются «плохими» или «хорошими». В рамках данной статьи мы исходим из того, что они могут быть весьма успешны в том случае, если они адекватны историческим, географическим, политическим предпосылкам и стартовому экономическому капиталу. Именно этот вопрос следует рассмотреть применительно к Беларуси и в ряде случаев к государствам Прибалтики, рассматривая экономические модели последних как антитезу белорусской. Модель национальной экономики представляет собой формализованное описание присущих экономике страны явлений и процессов, сложившихся условий хозяйствования, выполненное по определенным правилам [7, с. 13]. Национальная экономика, как правило, является разновидностью рыночной экономической модели. Исключения (Южный Судан и Северная Корея) скорее подтверждают правила, чем опровергают их. В этом контексте и Беларусь, и Литва представляют собой разновидности одной — рыночной модели экономики.

Национальная экономическая модель характеризуется как обобщающими макроэкономическими показателями, так и набором социальных, политических, географических характеристик. С нашей точки зрения, для эффективного страноведческого анализа необходимо изучать не рыночную экономику в целом, а ее национальную модель. В рамках междисциплинарного подхода предполагается, что «объективными предпосылками (национальной экономической модели) выступают уровень развития и характер национальных производительных сил; специфические “неэкономические” факторы: природно-климатический, географический, геополитический, социокультурный и др.» [6, с. 24].

Не менее важны оценки собственно экономического потенциала страны и ее социального капитала, традиции и национальная психология, региональная история. Если не учитывать все это, теоретическая конструкция оказывается оторванной от реальности, от специфики национальной экономики. «Исследователи привыкли мыслить глобально или в рамках регионов, анализируя основные макроэкономические показатели. И все реже встречаются исследования национальных деталей, а ведь дьявол кроется именно в них» [12, с. 11].

Основные критерии для определения специфики разных рыночных моделей — это, как правило, формы собственности (доля государственной и частной собственности в объеме ВВП), формы вмешательства государства в экономику, характер социальной политики.

Вопрос о роли государства в современной экономике является одним из важнейших. Официальная позиция Организации экономического сотрудничества и развития такова: «Правительства отвечают за продвижение экономического роста и социальных преобразований, предоставление товаров и услуг, регулирование поведения предприятий и отдельных лиц и перераспределение дохода». Назвать ее либеральной или кейнсианской — не представляется возможным, так как подобное определение не дает ответа на вопрос о том, как измеряется и как регулируется роль государства в экономике. Отметим и то, что после мирового экономического кризиса большое количество государств от США до Китая и от России до Беларуси увеличили государственное участие в экономике. Впрочем, еще до кризиса К. Курц — экс-президент Американской политологической ассоциации — в своей статье «Глобализация и американская мощь» отмечал: «Государства выполняют жизненно важные политические, социальные и экономические функции, и ни одна другая организация не соперничает с ними в этом отношении». И далее: «Мы не должны задаваться вопросом о том, что случится с обществом и экономикой, когда государство начнет отмирать, поскольку мы имеем на этот счет слишком много примеров. Наиболее очевидным является Китай в 1920-х и 1930-х гг. и многие африканские государства после обретения ими независимости, а также в настоящее время постсоветская Россия»¹. Не следует акцентировать внимание на упоминание России и африканских государств через запятую, статья была написана в начале 90-х гг. прошлого века. Важно другое. Практика реализации китайских реформ подтвердила, что в государстве с переходным типом экономики и политического строя эффективная и устойчивая либерализация экономики может быть достигнута лишь при сильной власти. Решающее значение здесь имеет то обстоятельство, что только сильная власть может ставить долгосрочные цели и обладает достаточной политической волей и средствами мобилизации для того, чтобы эффективно добиваться их осуществления. Такая власть способна обеспечить конкурентоспособность государства на мировой арене, прежде всего, путем проведения рациональной промышленной политики, учитывающей сравнительные преимущества своей экономики [1, с. 8]. Современная экономическая модель характеризуется не только долей госбюджета в ВВП, более важен объем расходов государства на удовлетворение социальных потребностей граждан. Этот показатель связан с долей частной собственности, ее экономической эффективностью, уровнем покупательной способности и уровнем доходов граждан. В этом контексте обратим внимание на размер и динамику заработной платы в России и странах СНГ в 2011–2017 гг. на основе обменных курсов по паритету покупательной способности (ППС) Всемирного банка. В рассмотренном исследовании результат России оказался максимально близким показателям республики Беларусь, чей уровень оплаты труда, начиная с 2013 г., был сопоставим с уровнем оплаты труда в России в 2017 г. и даже немного превышал его². Динамика нетто-зарплат в государствах Прибалтики демонстрирует их очевидное превосходство по сравнению с Беларусью, как, впрочем, и России. Однако конечное потребление, с учетом льгот и дотаций, социальных программ, выглядит абсолютно сбалансированным.

Безусловно, в классической скандинавской модели влияние государства на экономику осуществляется посредством масштабных, но косвенных мер государственной бюджетно-финансовой политики, задействования возможностей налоговой системы, частично регулирования цен и управления инфляционными процессами. Скандинавская версия национальной экономической модели гораздо менее критич-

¹ Цит. по [4, с. 7].

² Население России в 2018 году: доходы, расходы и социальное самочувствие. Мониторинг НИУ ВШЭ. Специальный выпуск «Межстрановые сопоставления заработных плат в 2011–2017 годах» / под ред. Л. Н. Овчаровой. М. : НИУ ВШЭ. 2018. С. 17.

на к государственному участию, именно поэтому белорусская модель ближе к скандинавской, чем эстонская или латвийская, что на первый взгляд кажется странным.

Современная хозяйственная практика направлена на воспроизводство условий ограниченно свободной конкуренции. В государствах Прибалтики в условиях десоверенизации выбор приоритетов осуществляется в Брюсселе, а не в национальных столицах.

В Беларуси конкуренция ограничена управленческой политикой, тем не менее, именно в Беларуси рост рынка происходит на основе следующих принципов: рынок для всех, благосостояние для всех, а общий рост экономики сопровождается ростом доходов большинства субъектов рынка и покупательной способности денежной единицы. Однако на практике преимущества получают не все, а какие-то отдельные отрасли и предприятия. Именно такой подход характерен и для Беларуси. Такие гиганты, как «Горизонт», «БелОМО», «БелавтоМАЗ», «Автокомпоненты», «Белстанкоинструмент», «БелАЗ» нуждаются в государственной поддержке и получают ее точно так же, как и их аналоги в европейской промышленности.

Объектом государственного регулирования выступают трудовые отношения на общенациональном уровне. В Беларуси за счет государственного бюджета обеспечивается высокий уровень удовлетворения социальных потребностей населения посредством трансфертных платежей. В Литве такая политика была качественно сокращена в постсоветский период. Конечно же, для этой модели характерны и определенные противоречия между политикой государства по поддержке высокого уровня занятости, реализации социальных программ и возможностями обеспечения высоких темпов роста экономики, повышения эффективности хозяйствования [3, с. 128]. Именно поэтому в Прибалтике, свернув социальную политику, потеряли от 1/3 (в Литве) до 1/5 (в Эстонии) эффективных трудовых ресурсов.

При этом «по меркам стран с уровнем доходов выше среднего, Беларусь имеет хорошее сочетание компонентов национального богатства. По показателю человеческого капитала она превосходит Украину и Молдову. Вместе с тем, накопление материального капитала сопровождалось ухудшением динамики чистых иностранных активов, Беларуси необходимо укреплять национальную финансовую систему и в меньшей степени полагаться на внешние заимствования, наращивать экспорт и усиливать экономические институты, способствующие более эффективному использованию накопленного физического и человеческого капитала»¹.

Итак, кризис социального капитала в Прибалтике разворачивался на фоне мощной перераспределительной системы, сохраняющейся в Беларуси. В условиях низкой безработицы, постоянно растущих реальных доходов населения и увеличивающейся доли амортизации к первоначальной стоимости основных средств предприятий ... одним из основных способов поддержки белорусского производства и внедрения социальных стандартов стала государственная поддержка [8, с. 18]. В силу этого возрастает показатель доли государственного сектора в ВВП, соответственно Беларусь и Швеция с этих позиций существенно ближе, чем может показаться на первый взгляд. Эта тенденция была отмечена профессором Е. Т. Гайдаром: «Сам рост доли услуг в ВВП в условиях постиндустриального общества — важный фактор роста государственной нагрузки на экономику [2, с. 13]. При этом Е. Т. Гайдар ссылается на профессора Г. Стиглера, который одним из первых указал на то, что значительная часть деятельности государства связана с предоставлением услуг [14] и тем самым повышает долю госсектора в ВВП. На это указывает и профессор В. М. Полтерович: «Уровень человеческого капитала в государственном секторе часто выше, чем в частном. Если это так, то поддержание

¹ Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://www.vsemirnyjbank.org/ru/news/press-release/2018/04/19/belarus-economic-update-spring-2018>

большого государственного сектора может быть рациональным: тем самым обеспечиваются и более высокая эффективность, и поступления в бюджет» [13, с. 42].

В этом контексте обратимся к программным тезисам критиков белорусской экономической модели. Ярослав Романчук пишет: «В нашей стране мы говорим „экономика“ — подразумеваем „государство“. Говорим „государство“ — подразумеваем „экономика“»¹. Достаточно представляя происходящее в республике Беларусь, нельзя не признать определенную правоту автора. Однако в какой мере критика государственного участия подтверждена сегодня теоретическим анализом и анализом реальных хозяйственных практик республики Беларусь? Как и все оппозиционные экономисты, Романчук опирается на заимствованную теоретическую базу, апробированную в других странах, на ином экономическом материале, в иных политических условиях. Достаточно убедительно критикуя белорусскую экономическую модель, оппозиция характеризуется абсолютной стерильностью в отношении конкретных предложений. В этом контексте белорусские либеральные экономисты качественно отличаются от их российских коллег четвертьвековой давности, предлагавших на тот момент актуальные теоретические концепции и весьма спорные, но соответствующие условиям времени экономические рецепты.

Более того, белорусские оппозиционные экономисты, как правило, известны не экономическими трудами, а оппозиционными лозунгами, что опять же отличает их от российских коллег конца XX в. Белорусская оппозиция закономерно называет себя меньшинством, позиционируя себя следующим образом: «Представители белорусского меньшинства активно осваивают ценности модерна. Они не противники Лукашенко, они противники авторитаризма, в то время как представители большинства являются типичными советскими людьми, не способными выжить в условиях рыночной экономики без поддержки со стороны „сильного государства“» [11, с. 81]. Практика постсоветского пространства показала, что большинство инициаторов радикальных реформ модель собственного выживания связывают именно с государственным сектором в рыночной экономике и совсем не чужды государственным практикам социальной защиты. Этот тезис прошел проверку на всем пространстве от Эстонии до Грузии. При гипотетической смене экономической модели в Беларуси ситуация будет аналогичной, но осложненной тем обстоятельством, что готовность населения к радикальным реформам существенно сократилась за последние 28 лет. Укажем также на то, что ценности модерна, в верности которым клянутся оппозиционеры из Беларуси, выглядят сегодня несколько устаревшими, как в плане теории, так и на уровне практического применения.

Вернемся к предложениям Я. Романчука, удобным для нас тем, что представляют собой квинтэссенцию заимствованных стереотипов в белорусской либеральной экономической мысли: «Сегодняшнюю громоздкую, противоречивую, высокзатратную налоговую систему необходимо заменить введением трех универсальных налогов: налога с розничной продажи (плоская шкала около 15%), подоходного налога с физлиц (10%) и акцизов на энергетические товары, табак и алкоголь». Как абстрактная конструкция подобное возможно. Однако как при этом обеспечить социальные расходы в рамках действительно патерналистской модели — не ясно. Точнее ясно. Перед нами ухудшенный вариант хозяйственных и налоговых практик России 1992–1999 гг. Качественное падение уровня жизни гарантировано. Конечный итог, в том случае, если история отпустит еще 28 лет — Болгария. Член ЕС, существенно уступающий Беларуси по показателям конечного потребления и ВВП по ППС.

«Второй шаг — честная, открытая приватизация государственных активов с ориентацией на национального инвестора. Доля государственных активов не должна

¹ Здесь и далее: Романчук Я. Дебюрократизация и либерализация [Электронный ресурс] // Портал «Беларусь сегодня». URL: <https://www.sb.by/articles/poiski-luchshey-doli.html>

превышать 15–20 процентов». Национального инвестора нет — автор выталкивает Беларусь на болгарскую, венгерскую, латвийскую модель деструкции национальной экономики, скупку активов, фиктивные банкротства, уничтожение промышленности и сельского хозяйства при гарантированном отсутствии трансферов из ЕС или иных источников. Как автор определяет долю государственной собственности и в какой степени государственными активами считаются субъекты экономики, находящиеся в смешанной частно-государственной собственности? И, наконец, самый главный вопрос: откуда взялась цифра 15–20%? По мнению профессора Финансового университета при Правительстве Российской Федерации О. В. Кожевиной, «На долю госсектора приходится 30–40% объема промышленного производства в Центральной и Восточной Европе. В России, по разным оценкам, около 30% промышленного производства осуществляют предприятия с государственным участием и около 50% ВВП производится в государственном секторе экономики» [5].

«Третий шаг — радикальное сокращение функций государства, отказ от тотального госконтроля и надзора, дерегулирование, де бюрократизация и либерализация экономических отношений». Любые «радикальные» решения чреваты социальным взрывом, в условиях Беларуси абсолютно неизбежным. Степень госконтроля и надзора в ряде случаев следует признать избыточной, что признается и руководством государства. Однако апелляция к «невидимой руке рынка» в конце второго десятилетия XXI в. как универсальный рецепт — в лучшем случае популизм. Сошлемся на мнение ведущих российских экономистов В. А. Мау и Е. Г. Ясина, высказанное еще в 2012 г.: «...кризис в одинаковой мере можно объяснить как „провалами рынка“ (избыточным дерегулированием), так и „провалами государства“, неспособного обеспечить стабильность экономического роста. Постепенно становилось все яснее, что действительно требуется усилить государственное регулирование, но относится это, прежде всего, к финансовым рынкам» [10, с. 14].

Общее негативное впечатление от подобных рекомендаций усиливается при рассмотрении позиции Всемирного банка по вопросу об экономике Беларуси. Страницы, посвященные Беларуси, открываются предельно выверенной и объективной формулировкой: «Республика Беларусь шла по пути постепенных преобразований, который характеризовался ограниченными структурными реформами и умеренными темпами роста частного сектора. В рамках проводимой политики акцент делался на модернизации государственных предприятий посредством их субсидирования и предоставления льготных кредитов через государственные банки»¹. С предложенной формулировкой трудно спорить. Каждый указанный момент, каждая характеристика верна, однако никакой отрицательной коннотации они не несут. Укажем и на то, что роль государственного сектора в Беларуси не тайна для авторитетной международной организации: «Возможное разрастание взаимосвязанных проблем государственных предприятий и коммерческих банков также вызывает некоторую озабоченность»². При этом, по мнению аналитиков банка, «если осмотрительная бюджетно-налоговая и денежно-кредитная политика будут продолжены для поддержания гибкости обменного курса и сохранения инфляции на уровне однозначной величины, это может способствовать расширению частного сектора, в особенности благодаря недавним улучшениям в деловой среде»³.

¹ Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/belarus>

² Республика Беларусь: Экономический обзор, апрель 2018 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: <https://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/belarus/publication/economic-update-spring-2018>

³ Обзор экономики Республики Беларусь, осень 2018 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Всемирного банка. URL: <http://www.vseмирnyjbank.org/ru/country/belarus/publication/economic-update-fall-2018>

Иными словами, призыв к развитию частного сектора высказан и, более того, услышан в органах власти и управления Беларуси.

Подведем итоги. Современные процессы экономического развития Беларуси имеют как теоретическое прочтение, так и очевидное практическое значение. Отметим то, что изучение процессов интеграции на постсоветском пространстве больше не является абстрактной академической задачей. Качественное усложнение и хаотизация международных экономических отношений ставит проблематику экономической интеграции в союзном государстве в сугубо практическую плоскость. Проблемы европейской интеграции, так хорошо видимые в Прибалтике, значимы для нас как универсальный антиуказатель.

В начале XXI в. Д. Тренин определял Европу (ЕС) как мощный внешний источник внутренней трансформации для России. Цель России, с его точки зрения, была в том, чтобы «стать Европой» по своему внутреннему строению и качеству институтов, а не «быть принятой в Европу»¹. Очевидно то, что и Белоруссия, и Эстония, Латвия, Литва считали этот путь наиболее перспективным. С нашей точки зрения, во всех пяти странах положительный результат не был достигнут. Однако масштаб отрицательного результата оказался различным. Вступление государств Прибалтики в ЕС с экономической точки зрения является тактической победой, которая в долгосрочной перспективе станет стратегическим поражением. Ситуация с Беларусью оказалась иной, но предполагающей потенциал роста и развития.

Прошло уже больше четверти века с начала фундаментальных реформ, почти тридцать лет трансформационные задачи решаются на постсоветском пространстве. Можно сделать некоторые выводы.

- Реформирование было единственным путем сохранения государственности и поддержания стандартов экономического благосостояния людей. Были использованы разные модели реформирования от предельно жестких, неолиберальных в Эстонии, Латвии, до относительно мягких в Беларуси и Литве.
- Там, где реформы были сбалансированы, тактические поражения 1992–1993 гг. не стали утратой стратегических целей и не привели к утрате государственности де-факто. Успешность первого этапа реформ не коррелировала с их теоретической моделью и практикой реализации.
- Членство в ЕС также само по себе не гарантирует решения экономических проблем. Эстонский пример достаточно интересен, но результаты Латвии и Литвы удручают.

На начальном этапе трансформации государства Прибалтики располагали колоссальным потенциалом экономического развития, примерно равным или превосходящим белорусский. Этот потенциал в значительной степени не был использован. Наличие развитого сельского хозяйства, современной в целом промышленности, удобное транспортно-географическое положение, соседство с ЕС и Россией, обеспеченность экономики недорогой, но квалифицированной рабочей силой, привлекаемые материальные активы и емкий внутренний рынок в Беларуси стали базой не всегда устойчивого и недостаточно динамичного роста экономики. Однако при этом все исходные конкурентные преимущества были сохранены. В государствах Прибалтики рост ВВП сопровождался деградацией сельского хозяйства и разрушением промышленности и является де-факто заимствованным.

Интеграционный проект постсоветского пространства возник и переживал крайне тяжелые времена в тот момент, когда западноевропейский проект стал просто европейским и универсальным. Но ситуация начала меняться. Вероятно дело в том,

¹ Тренин Д. Россия и грядущее расширение ЕС [Электронный ресурс] // Брифинг московского центра Карнеги. Том 4. Вып. 10. Октябрь 2002 г. С. 22. URL: <http://textarchive.ru/c-2292548-p2.html>

что развитие интеграции между Прибалтикой и остальной Европой — это потеря качества при выигрыше темпа. Союзное государство, несмотря на другой масштаб — некоторая потеря темпа при, хочется верить, выигрыше качества.

Литература

1. Бергер Я. М. Экономическая стратегия Китая / ИДВ РАН М. : ИД «ФОРУМ», 2009.
2. Гайдар Е. Т. Государственная нагрузка на экономику // Вопросы экономики. 2004. № 9. С. 4–23.
3. Дэли М., Льюис Дж. Концепция социальной поддержки и анализ современных государств благосостояния // SPERO. Социальная политика: экспертиза, рекомендации, обзоры. 2014. № 19. С. 117–136.
4. Земляной С. Н. Глобализация и национальная идентичность // Европейская безопасность: события, оценки, прогнозы. 2002. № 3. С. 6–8.
5. Кожевина О. В. Зарубежная практика использования организационных моделей управления эффективностью в государственном секторе экономики // Фундаментальные исследования. 2014. № 11-9. С. 2027–2031.
6. Кульков В. М. Параметры исследования и формирования национальной экономической системы в России // Экономическое возрождение России. 2014. № 3 (41). С. 24–31.
7. Лемешевский И. М., Деревяго И. П. Национальная экономика Беларуси. Минск : БГТУ, 2012.
8. Лузгина А. Н. Единое экономическое пространство Беларуси, России, Казахстана и Украины — выгоды и потери. Минск : Логвинов, 2005.
9. Максимцев И. А., Межевич Н. М., Королева А. В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60–78.
10. Мау В. А., Ясин Е. Г. Двадцать лет рыночных реформ и новая модель экономического роста. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
11. Николюк С. Конец белорусского «чуда» // Вестник общественного мнения. 2011. № 2 (108). С. 77–85.
12. Переход стран Центрально-Восточной Европы от социализма к капитализму: особенности и результаты : сборник статей / под ред. С. П. Глинкиной, Н. В. Куликовой. М. : Институт экономики РАН, 2016.
13. Полтерович В. М. Приватизация и рациональная структура собственности. М. : Институт экономики РАН, 2012.
14. Stigler G. Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1956.

Об авторах:

Шамахов Владимир Александрович, директор Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Межевич Николай Маратович, профессор факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), президент российской ассоциации прибалтийских исследований (РАПИ), доктор экономических наук; mez13@mail.ru

References

1. Berger Ya. M. Economic strategy of China / IFES RAS. M. : "FORUM", 2009. (In rus)
2. Gaidar E. T. State load of economy // Economy Questions [Voprosy ekonomiki]. 2004. N 9. P. 4–23. (In rus)
3. Daly M., Lewis J. The concept of social care and the analysis of contemporary welfare states // SPERO. Social policy: expertise, recommendations, reviews [SPERO. Sotsial'naya politika: ekspertiza, rekomendatsii, obzory]. 2014. N 19. P. 117–136. (In rus)
4. Zemlyanoy S. N. Globalization and national identity // European safety: events, estimates, forecasts [Evropeiskaya bezopasnost': sobytiya, otsenki, prognozy]. 2002. N 3. P. 6–8. (In rus)

5. Kozhevina O. V. Foreign experience of using organizational models of performance management in the public sector // Basic researches [Fundamental'nye issledovaniya]. 2014. N 11–9. P. 2027–2031. (In rus)
6. Kulkov V. M. Parameters of a research and formation of a national economic system in Russia // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozhdzenie Rossii]. 2014. N 3(41). P. 24–31. (In rus)
7. Lemeshevsky I. M., Derevyago I. P. National economy of Belarus. Minsk : BSTU, 2012. (In rus)
8. Luzgina A. N. A common economic space of Belarus, Russia, Kazakhstan and Ukraine — benefit and loss. Minsk : Logvinov, 2005. (In rus)
9. Maksimtsev I. A., Mezhevich N. M., Koroleva A. V. Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models // Baltic region [Baltiiskii region]. 2017. T. 9, N 1. P. 60–78. (In rus)
10. Mau V. A., Yasin E. G. Twenty years of market reforms and new model of economic growth. M. : Publishing house of Higher School of Economics, 2012. (In rus)
11. Nikolyuk S. End of Belarusian “miracle” // Messenger of public opinion [Vestnik obshchestvennogo mneniya]. 2011. No. 2 (108). P. 77–85. (In rus)
12. Transition of the countries of Central Eastern Europe from socialism to capitalism: features and results: the collection of articles / under the editorship of S. P. Glinkina, N. V. Kulikova. M. : Institute of Economy of RAS, 2016. (In rus)
13. Polterovich V. M. Privatization and rational structure of property. M. : Institute of Economy of RAS, 2012. (In rus)
14. *Stigler G.* Trends in Employment in the Service Industries. Princeton, New Jersey : Princeton University Press, 1956.

About the authors:

Vladimir A. Shamakhov, Director of North-West Institute of Management of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@sziu.ranepa.ru

Nikolay M. Mezhevich, Professor of Faculty of the International Relations of St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russian Federation), President of the Russian Association of Baltic Studies (RABS), Doctor of Science (Economics); mez13@mail.ru